

Федорова Екатерина Викторовна

ЮЖНОСЛАВЯНИЗМЫ В ДРЕВНЕЙШЕМ ПЕРЕВОДЕ ТОЛКОВОГО ЕВАНГЕЛИЯ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО

В древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского представлены как восточноболгарские лексемы, свойственные и древнерусскому узусу, так и преславизмы, чуждые восточнославянскому узусу, что сближает этот перевод с некоторыми другими домонгольскими переводами, содержащими одновременно лексические южнославянизмы и русизмы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 164-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 1751

В древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского представлены как восточноболгарские лексемы, свойственные и древнерусскому узусу, так и преславизмы, чуждые восточнославянскому узусу, что сближает этот перевод с некоторыми другими домонгольскими переводами, содержащими одновременно лексические южнославянизмы и русизмы.

Ключевые слова и фразы: Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского; толковые переводы; домонгольские переводы; древнеславянские переводы с греческого; лексические южнославянизмы.

Федорова Екатерина Викторовна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
e_todorov@mail.ru*

ЮЖНОСЛАВЯНИЗМЫ В ДРЕВНЕЙШЕМ ПЕРЕВОДЕ ТОЛКОВОГО ЕВАНГЕЛИЯ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО

Древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (далее – ТЕ-1) представляет собой евангельский текст в сопровождении богословского комментария, в основу которого были положены толкования Иоанна Златоуста. Славянский перевод был выполнен до 1117 г. [3, с. 279].

В ТЕ-1 представлены как восточноболгарские лексемы, свойственные и древнерусскому узусу, так и несколько преславизмов, чуждых древнерусскому узусу. В исследовании А. А. Пичхадзе, посвящённом переводным памятникам, содержащим восточнославянские лексические элементы, ТЕ-1 называется в числе домонгольских переводных памятников, содержащих одновременно восточнославянизмы и специфические южнославянизмы. Так, в ТЕ-1 от Луки наличествуют южнославянские лексемы, мало освоенные церковнославянским языком русского извода: кѣмѣнтѣса ‘быть высокомерным’, некѣмѣнне ‘скромность’, оплазньство ‘дерзость, хвастовство’, порѣкатн ‘порицать’, прѣзѣрство ‘гордость, высокомерие’, тоускъ ‘грязь’, выражение въ рѣснотѣу ‘поистине’, которые отмечаются преимущественно в болгарских памятниках, а также в переводах, сочетающих восточнославянизмы и болгаризмы (Пандекты Никона Черногорца, Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова, Житие Феодора Студита, Студийский устав) [5, с. 69-70].

Наше исследование показывает, что если обратиться к греческому тексту, то складывается следующая картина распределения рассматриваемых лексем.

Корень -рѣсн- закреплён в ТЕ-1 исключительно за греческой лексемой *κυρίως* ‘справедливо’, которая всегда переводится сочетанием *въ рѣснотѣу*; греческое *ἄλλοθ* ‘действительно, подлинно’ переводится как *во нстннѣу*, а греческие лексемы с корнем -*ἀληθ*- передаются славянским корнем -нстнн-, например: *ἀλήθεια* ‘истина’ – нстннна [8, л. 279], *ἀληθεύουσιν* – нстнньствоуѣтъ [Там же, л. 267 об.], *ἀληθινός* – во нстнннѣу [Там же, л. 261], *ἀληθώς* – во нстнннѣу [Там же, л. 324 об.].

Лексема *τοῦσκъ*, отмеченная в ТЕ-1 А. А. Пичхадзе в Великих Минеях Четых, на самом деле приходится на интерполяцию из толкового перевода Песни Песней, на присутствие которой указывалось ещё в работе А. А. Алексева [1, с. 180].

Что касается болгаризма *оплазньство* ‘дерзость, хвастовство’, отмеченного А. А. Пичхадзе в ТЕ от Луки, то данная лексема переводит в ТЕ-1 греческие лексемы *ἡ αὐθάδεια* ‘самоуверенность, самодовольство’ и *ἡ ἀναίδεια* ‘бесстыдство, наглость’, однако непоследовательно: всего лишь три раза из десяти [7, л. 89 об., 255 об.; 8, л. 183].

Лексемы с корнем -*оплаз*- встречаются в группе домонгольских переводов, сочетающих южнославянизмы и русизмы, – в Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова, Беседах на Шестоднев Севериана Гавальского, Житии Феодора Студита, Огласительных поучениях Феодора Студита, но не отмечены в подгруппе Хроники Георгия Амартола [5, с. 25, 33, 70], что можно было бы объяснить преславским происхождением лексемы *оплазнь* – тогда как язык подгруппы ХГА характеризует преобладание преимущественно кирилло-мефодиевских лексем.

Кроме того, в ТЕ-1 встречается ещё одна лексема, также отмеченная в восточноболгарских по происхождению текстах, – с корнем -*кѣмѣ*-, которому соответствуют несколько греческих: *κυμѣнтѣса* – *ὀγκώω* ‘гордиться, кичиться’ [7, л. 204 об.], *кнѣнѣ* – *ἡ κοιλιαστίς* ‘хвастун’ [6, л. 296] и *некѣмѣнне* – *ἄτιφος* ‘скромность’ [8, л. 241 об.]. Однако наряду с лексемой *некѣмѣнне* встречается перевод лексемой *пѣщѣнне* [Там же, л. 275 об.], которая отмечена словарями лишь в двух памятниках: в Огласительных поучениях Феодора Студита XIV-XV вв. со значением ‘возбуждение’ и Духовной грамоте Иосифа Волоцкого XVI в. со значением ‘опухоль, вздутие (зд. образно)’ – по аналогии с глаголом *пѣщѣнтн* ‘пучить, вызывать вздутие’ [10, с. 86].

Болгаризм *порѣкатн* встречается в ТЕ-1 дважды: в соответствии с *μωμεῖω* ‘подвергать осмеянию, осмеивать’ [7, л. 17] и *μέμφομαι* ‘осуждать, порицать’ [Там же, л. 172]. Глагол *порѣкатн* встречается в Житии Феодора Студита, Христианской топографии Козьмы Индикоплова, Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова, а также в Ефремовской кормчей и Паренесисе Ефрема Сирина [9, с. 115].

Однако в пяти случаях глагол $\mu\epsilon\mu\phi\omicron\alpha\iota$ переводится в ТЕ-1 как $\chi\omicron\mu\lambda\eta\tau\eta$ ‘упрекать’ [7, л. 240, 267 об.; 8, л. 249, 292 об., 306]. В кирилло-мефодиевских текстах глагол $\chi\omicron\mu\lambda\eta\tau\eta$ обозначал словесное порицание или оскорбление, а для оскорбления действием или одновременно действием и словом использовался глагол $\delta\omicron\sigma\alpha\delta\eta\tau\eta$ [4, с. 163]. В ТЕ-1 $\delta\omicron\sigma\alpha\delta\eta\tau\eta$ переводит только греч. $\upsilon\beta\acute{\rho}\iota\zeta\omega$ ‘оскорблять’, которому изредка соответствует $\omicron\upsilon\kappa\omicron\rho\eta\tau\eta$: так, в ТЕ-1 от Иоанна встречается двенадцать образований с корнем $-\delta\omicron\sigma\alpha\delta-$ [6, л. 270, 274, 276, 281 (пять раз), 281 об. (дважды), 334 об., 346] и пять – с корнем $-\omicron\upsilon\kappa\omicron\rho-$ [Там же, л. 281 (дважды), 329, 355 (дважды)].

Синонимичный глагол $\delta\upsilon\epsilon\iota\delta\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘бранить(ся), ругать, порицать’ переводится в ТЕ-1, как правило, славянским глаголом поношнѣти , реже встречаются варианты оукрашѣти и оуннунжати (по данным [6; 7; 8]). В преславских редакциях библейских текстов, в частности в толковом переводе книги пророка Иезекииля и Псалтыри с Толкованиями Феодорита Киррского, греч. корню $-\delta\upsilon\epsilon\iota\delta-$ регулярно соответствует славянский $-\omicron\upsilon\kappa\omicron\rho-$, а поношнѣти заменяется на оукорнѣти , поношеннѣ и поношь – на оукореннѣ , похоуленнѣ [4, с. 163]. Таким образом, в переводе греческих лексем со значением оскорбления или порицания ТЕ-1 оказывается ближе к кирилло-мефодиевским переводам и близким к ним по словоупотреблению домонгольским переводным текстам подгруппы Хроники Георгия Амартола: Повести о Варлааме и Иоасафе, Житии Феодора Студита, Христианской топографии Козьмы Индикоплова. Кроме того, глагол поношнѣти широко распространён в древнерусских церковнославянских произведениях, в частности в Пчеле и в Истории Иудейской войны, что объясняется авторитетом кирилло-мефодиевских библейских текстов, где лексемы гнезда поношнѣти очень частотны [Там же].

Лексема прѣзгорѣство ‘гордость, высокомерие’, отмеченная А. А. Пичхадзе в ТЕ-1 от Луки, характерна для преславских текстов и мало освоена церковнославянским языком русского извода. В ТЕ-1 она шесть раз передаёт греческие лексемы $\text{\u03b8\epsilon\rho\omicron\phi\acute{\iota}\alpha}$ ‘презрение, высокомерие, надменность’ [7, л. 17; 8, л. 185 об.], $\text{\u03b1\lambda\alpha\zeta\omicron\nu\epsilon\iota\alpha}$ ‘бахвальство, кичливость, заносчивость’ [7, л. 201] и $\text{\u03b8\epsilon\rho\eta\phi\alpha\nu\acute{\iota}\alpha}$ ‘высокомерие’ [8, л. 254 об. (дважды), 292], 11 раз данные греческие лексемы переводятся славянским эквивалентом грѣдѣость [7, л. 201 (трижды), 201 об. (дважды); 8, л. 289 об. (пять раз), 309 об.].

Таким образом, в ТЕ-1 представлены как восточноболгарские лексемы, свойственные и древнерусскому узусу, так и преславизмы, чуждые древнерусскому узусу, – это лексемы кычѣннѣ , оплазднѣн , прѣзгорѣство , порѣкатнѣ . Выражение въ рѣснотѣу ‘поистине’ является исключительно переводческим решением для греческого наречия $\text{\kappa\iota\rho\acute{\iota}\omega\varsigma}$ ‘справедливо’, так как греческие лексемы с корнем $-\acute{\alpha}\lambda\theta-$ передаются славянским корнем $-\text{нстннѣ}$. Употребление лексем кычѣннѣ , оплазднѣн , прѣзгорѣство , порѣкатнѣ не представляет собой чёткой системы, они появляются спорадически, не всегда во всех четырёх евангелиях. Кроме того, существительное прѣзгорѣство ‘гордость, высокомерие’ вряд ли можно рассматривать в качестве яркого маркирующего восточноболгарского элемента: оно представлено во многих древних редакциях евангельского текста, а также в чудовском Новом Завете русского происхождения [2, с. 222-223]. Интересно, что для греч. корня $-\text{т\u03c4\phi-}$, помимо основного соответствия $-\text{грѣдѣ-}$ и спорадического восточноболгарского $-\text{кычѣ-}$, один раз встречается перевод лексемой пыщѣннѣ , продолжение значения которой можно найти только в западославянских языках. С одной стороны, в употреблении данных восточноболгаризмов, не совпадающих с древнерусским узусом, ТЕ-1 сходно с двумя домонгольскими переводами, содержащими южнославянизмы и русизмы, – Толкованиями Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова и Беседами на Шестоднев Севериана Гавальского. С другой стороны, довольно регулярное употребление глагола поношнѣти сближает ТЕ-1 с подгруппой Хроники Георгия Амартола, в текстах которой также сочетаются южнославянизмы и русизмы, но её отличает ориентация на кирилло-мефодиевский узус.

Список источников

1. Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1988. Т. 41. С. 154-196.
2. Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырёх редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI-XVI вв. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой, 1894. 403 с.
3. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырёх редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI-XVI вв. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1896. 304 с.
4. Пичхадзе А. А. Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI-XIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 147-170.
5. Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с.
6. Рукопись Толковое Евангелие от Иоанна // Российская государственная библиотека. Собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры. Ф. 304/1. № 110. Л. 213-367.
7. Рукопись Толковое Евангелие от Луки // Российская государственная библиотека. Собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры. Ф. 304/1. № 111. Л. 1-279.
8. Рукопись Толковое Евангелие от Матфея и Марка // Российская государственная библиотека. Собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры. Ф. 304/1. № 109. Л. 1-327.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 295 с.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21. 278 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 831 с.

**SOUTH SLAVISMS IN THE ANCIENT TRANSLATION
OF THE COMMENTING GOSPEL OF THEOPHYLACT OF OHRID**

Fedorova Ekaterina Viktorovna
Lomonosov Moscow State University
e_todorov@mail.ru

In the ancient translation of the Commenting Gospel of Theophylact of Ohrid both Eastern Bulgarian lexemes are represented, which are typical of the ancient Russian usage, as well as pre-Slavisms, alien to the Eastern-Slavic usage, which brings this translation together with some other pre-Mongolian translations containing both lexical South Slavisms and Russisms.

Key words and phrases: Commenting Gospel of Theophylact of Ohrid; commenting translations; Pre-Mongolian translations; Old Slavic translations from Greek; lexical South Slavisms.

УДК 8; 81

Статья посвящена изучению культурных, символических и прочих характеристик числительных one, two, three (один, два, три), свойственных им в процессе мифологической стадии общественного развития, что максимально сохранилось в текстах традиционного формата и фразеологии. Когнитивный подход к анализу числа как одной из констант мировой культуры, представляющей собой логический и культурный феномен, позволяет выявить его концептуальные характеристики, а также особенности взаимоотношения языка и культуры. Анализ и выявление образных характеристик, связанных с интерпретацией чисел, их национальным своеобразием, наглядно демонстрирует то, как символика отражается в языке и фразеологических единицах анализируемых лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: образность; образная мотивировка; число; нумеративные ФЕ; числительные; лингвокультурология.

Цатурян Марина Мартиросовна, д. филол. н., профессор
Пелипенко Любовь Михайловна
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
tsaturyan.mm@mail.ru; lyboff07@mail.ru

**ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ONE, TWO, THREE
(ОДИН, ДВА, ТРИ) В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Образ как предмет лингвокультурологических исследований предусматривает включение в оценочную парадигму определений, в которых культурные сведения презентованы в виде языковых единиц: культурные семы, культурные концепты, культурный фон и культурные коннотации. Самое большое значение для изучения образа в лингвокультурологии имеют культурная традиция, менталитет, язык культуры, культурные ценности, основные культурные концепты, установки культуры и ментальность. В. А. Маслова объясняет ментальность как «миросозерцание, заключенное в основных формах и концептах родной культуры языка, сочетающее в себе определенные волевые черты, мировоззренческие и интеллектуальные в основных его выражениях». Ментальность, в общем, представляет собой некоторый уровень социального самосознания, на котором мысль от сознания не отделяется [8, с. 49].

Менталитет как отражение внутренней системности и дифференциации ментальности – это совокупный склад и состав народной души и ума, национального значения «психо-лингво-интеллект» культуры. Менталитет детерминирован экстралингвистическими и языковыми принципами (культурными, социальными, экономическими, географическими и т.д.). Наряду с этим отметим, что национальное мировоззрение репрезентировано на уровне доверчивых, языковых общественных отношений, но не концептуальных.

Важнейшим фактором в плане анализа образа как лингвокультурного феномена является отображение культурных традиций как обобщенного своеобразного явления, что способно эксплицировать групповой опыт в качестве стереотипов, накапливаемых и воспроизводимых социумом. В качестве смежной категории выступают культурные установки – идеалы, с помощью которых личность способна вырабатывать достойные / недостойные черты своего характера. Они воспроизводятся в процессе всего исторического пути социума и конкретного народа, которому в социальной памяти принадлежит важное место, что делает возможным формирование основных культурологических установок.

В составе образа культурное достояние обладает смыслообразующим значением, потому что оно является информацией о народных ценностях, зафиксированных в языке, позволяет сделать перспективное заключение о менталитете народа, а также этнокультурной специфике. Как правило, категории культуры обуславливают работу культурных коннотаций так же, как интерпретации образной, денотативной и мотивированной стороны значения концепта либо образа.